

Макурин Денис

6+

Полведра сгущёнки

рассказы

Денис Владимирович Макурин

Полведра сгущёнки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55957458

SelfPub; 2020

Аннотация

Главный герой всех рассказов – самый обыкновенный мальчик Миша Воробьёв. Он похож на всех мальчишек на планете: иногда шалит, иногда спорит со взрослыми, фантазирует, стремится познавать окружающий мир. А ещё Миша постоянно рассказывает истории о себе, своих родных и друзьях-сверстниках. Эти истории получаются у него удивительно увлекательными.

Спасибо

Я на улицу вышел – солнышко светит, в небе журавли курлыкают, рыжий кот за воробьями охотится. Гляжу Анька первоклашка мать-и-мачеху собирает. Я кричу:

– Привет, Ань! Букетики рвёшь?!

Она нахмурилась:

– Нет! Приправу в драконий суп.

Я осмотрелся, а у неё и правда посуда на ящике разложена – кастрюльки, тарелочки, и каша малаша в них готовится.

Она говорит:

– Проходи, угощайся.

Я подошёл, жижу ложкой помешал:

– Не-е-е, спасибо, но чего-то не хочется.

Анька:

– Ну как хочешь! – и тут же хвастаться начала. – А мы вчера на парад ходили! А потом у реки гуляли и видели как мимо нас огромную, грязную льдину пронесло. Было очень красиво!

– Скажешь тоже – льдину – ничего особенного. А на параде мы тоже были, можешь не хвастаться.

В это время к нам Вовка подошёл, про парад услышал и тоже давай рассказывать:

– А мы после парада к дедушке Коле пошли. Там папа лестницу к дому приставил, забрался и номер дома подри-

совал, чтобы лучше видно было. А я внизу стоял, и красную звезду на ладони разглядывал. Потом папа её у меня забрал и под тем номером приколотил. Звезда значит, что в доме живет ветеран. Это наш дедушка Коля – ветеран. Пока мы с номером возились и звезду вешали, деда на крыльце сидел, смотрел на нас, курил горький дым и всё повторял: «Добре. Добре». Затем, бабушка постучала по стеклу и рукой поманила, и мы в дом пошли.

А там уже вся родня за столом собралась. У бабушки пироги наготовлены были, большие такие! – и Вовка развёл руками. – Один с картошкой, второй с рыбой и луком. А ещё на столе горячий чугунок с картошкой стоял, а по тарелкам солёные грибы и огурцы.

Анька не удержалась:

– Подумаешь! Я и не такие испечь могу.

Вовка:

– Да я не об этом! Слушайте дальше.

Мы сидели за столом и тихонечко брякали вилками. Тётя Надя спрашивала у мамы всякую чепуху: не вышла ли замуж Светка, как цветёт каштан или как дела на работе? Бабушка думала, что я самый голодный и всё время мне чего-то подкладывала в тарелку. Все вели взрослые разговоры, а нам с братом было не интересно. И хотелось сбежать на улицу. И снова увидеть парад, и День Победы, и ветеранов с медалями, и то, как салютуют солдаты.

Первый не выдержал мой Серёжка, он подошёл к телеви-

зору, переключил скучную программу, и тут же на всю комнату запел Кобзон. Я подпрыгнул и крикнул: «Как же здорово, что мы родились в эпоху телевизора!» А папа посмотрел на дедушку и сказал: «Спасибо, папа, что мы вообще родились», – и все вдруг улыбнулись.

Сладкая жизнь – одна штука

Жизнь у меня шла по-всякому. То с приключениями, то скучно, то через пень колоду. А в тот день с утра дождь лил, и мне всё спалось и спалось. И я никак проснуться не мог, но к обеду всё-таки встал. Надоело ухо отлеживать.

Зашёл на кухню, погладил кошку, включил телевизор и поставил чайник на плиту. Пока он грелся, я достал заварку и начал искать сахар, ну или что-нибудь другое, чем подсластить.

На носочки встал, в шкаф заглянул – сахарница пустая. Холодильник открыл, думал: «Может варенье?» Но варенья тоже не было, я его ещё вчера съел. Нечаянно. Там немного оставалось, полбанки. Что интересно, мой брат Ванька сразу прознал, что я варенье съел. И я знал, что Ванька узнал, но он никому не сказал. Обошлось.

Потом я в шкаф залез, где макароны и прочий другой корм хранится. Кошка за мной. Разницу между едой и не едой я хорошо знаю: то, что можно сразу есть – еда, а если варить – то ещё не еда. Я кошку вытащил и начал рыться.

Копался, копался – до самого конца докопался. Вдруг, гляжу, у стеночки настоящий клад лежит в шелестючей обёртке: «Сладкая жизнь» – одна штука.

Я обрадовался, кошка фыркнула! Схватил конфету, налил чаю и за стол. Развернул обёртку, понюхал, глаза закрыл и-и-и ...

Конфету я есть не стал. Мне её почему-то жалко стало. И кошке, вроде бы, тоже, она об мои ноги тёрлась и жалобно мурлыкала:

– Му-у-ур...му-у-ур...

Я подумал: «За окном непогода, а в руках пусть и маленькая, но всё-таки счастливая «Сладкая жизнь». Завернул конфету обратно и положил в карман рубашки – пусть согревает!

Чай я просто так выпил, без всего. Не очень-то вкусно, но что делать? Затем накинул бейсболку, взял с собой кошку и пошёл гулять на крыльцо.

Стоило мне оказаться на улице, как дождь тут же закончился. В небе ещё пухли мокрые облака, а вокруг уже всё радовалось. Голуби курлыкали и важно расхаживали, растопырив хвосты, соседский Пират лаял на нашу кошку, а она забралась на козырёк и спокойно умывала мордашку. Я подошёл к небольшой лужице и увидел в ней своё отражение.

Я посмотрел, подмигнул сам себе и улыбнулся. От этого мне сделалось так весело, что я не удержался и плюхнулся по луже ногой: «Плюх!» – и тут же загорелась небольшая раду-

га.

Из-за белых облаков выглянуло солнце, на воде заблестели солнечные кружочки. Я снова плюхнул со всей силы, и тот же миг вспыхнула вторая. Моё житьё сделалось ещё лучше и я стал вопить:

– Две радуги! Две радуги! И – я!

Через минуту я разбрызгивал и расплёскивал свою лужу двумя ногами, а на небе появлялась третья. Всё это было так здорово-счастливо, что у меня щекотало в груди и в горле.

Белые облака уплывали далеко-далеко, а я скакал по луже и видел радугу изнутри. Вокруг улыбались солнышки одуванчиков, а в кармане согревала «Сладкая жизнь».

Вот только вспоминать мне об этом как-то немножко стеснительно. Уж вы никому не рассказывайте как я скакал – ребята засмеют.

Тайга

Глава I. Экология

Раньше я не знал, что такое тайга. А в прошлом году встретился. Меня с ней дедушка познакомил. Мы с ним на рыбалку ходили. На лесное озеро. У него в этой тайге избушка своя.

На рыбалку мы, конечно, и раньше ходили. Только тогда это ближе к морю было. И мы там то селёдку ловили, то кам-

балу. Камбала – это рыба такая, сплюснутая. Дедушка говорит, что её море расплющило. Тяжёлое очень. Но я-то знаю, что он шутит. Разве у моря лапы есть? Он просто объяснять мне не хочет: что да почему? Деда всё ещё думает, что я маленький и в таких вещах не разбираюсь. А я думаю, что это слон на неё наступил. Или вообще мамонт! В самой далёкой древности, когда и слонов-то в помине не было. Тогда только эскимосы водились. А мамонты – это их еда была. Вот одному мамонту захотелось воды испить, а быть может, помыться. И он в реку зашёл, а там в это время рыбёшки у дна плавали, мамонт на них и наступил. Нечаянно, конечно. Просто раньше экология лучше была, и от этой рыбы отбоя не было. Её там столько водилось, что яблоку некуда упасть, то есть мамонту некуда наступить. В общем, рыбёшек было видимо-невидимо. А мамонт? Куда ему деваться? Он же огромный, как троллейбус! И лапищи у него, как баобабы. Вот и не заметил мелюзгу под самым носом, то есть хоботом. С тех времён и водится в наших реках сплюснутая камбала. А про селёдку я рассказывать не буду. Вы и так про неё всё знаете. Вон её в магазине сколько! И в банках, и в бочках, и просто так.

Глава II. Всё для дела

Ну а тогда мы, значит, не к Белому морю пошли, а в тайгу. На озеро Кривое. И мы там жили два дня. Пришли, разве-

ли костёр и сварили чай. Потом удили окуней горбылей, то есть горбачей. Потом ели, затем спали. В общем, настоящее приключение! Лучше не придумашь. Я как раз о таком всю жизнь мечтал.

А началось наше приключение ещё утром. Мы с дедом встали ни свет ни заря. Собрали вещички и отправились на встречу неизвестности. Сначала мы шли по дороге, потом по лесу. И первое время нам было не очень весело. Спать хотелось, я то и дело носом клевал да спотыкался обо всякие коряги. Но потом я подобрал длинную палку, она у меня как будто сабля была, а вокруг враги и драконы ещё. И я как давай их рубать направо и налево, а они падать и просить о пощаде. И мне от этого сразу же веселее стало. Я своей саблей – Вжух! – жиганул по траве. И тут же мои злодеи попадали, как подкошенные. А потом подскочил и ка-а-ак дам дракону по шее: «Шмяк!» От этого только ягоды рябины на тропинку посыпались: «Брум! Брум! Брум!» А потом разбежался и – Шлюмс! – по сыроежкам. Полетели шляпки в разные стороны. Только деду мои сражения почему-то не понравились. Он обернулся и сказал:

– А ну не хулигань!

А я:

– Так это же поганки?! Их можно хулиганить.

А деда вдруг остановился, погрозил мне пальцем и сказал:

– Тебе поганки, а живности припасы на зиму. В тайге ничего просто так не растёт, всё для дела. Понимать надо!

Усёк?

Я вздохнул, и пробурчал:

– Угу... усёк. – выбросил саблю-палку, и мы пошли дальше.

А очень скоро скукота стала проходить. Да и врагов я больше не встречал. Нам только солнышко через ёлки подмигивало, и птички пели. А ещё по веткам бурундучки бежали. Бурундуки – это мыши такие с пушистыми хвостиками. Вот только до озера долго идти пришлось. Я думаю, мы тысячу километров прошли. Не меньше. У меня от этой ходьбы чуть ноги не отваливались. И сам я от приключения приотмился что-то. Могли бы и поближе озеро устроить.

Глава III. Знай меру

Когда мы наконец-то добрались до избушки, я очень обрадовался. Я начал скакать, гикать и веселиться. Я даже забыл, что у меня ноги отваливались. Они у меня как будто новые выросли. Вся усталость прошла. И я кричал:

– Ура! Ура! Улю-лю! Улю-лю!

И тут же обскакал весь наш лагерь: и стол со скамейками, и костёр, и избушку тоже.

Наша избушка оказалась очень красивой: старой и дряхлой, как в сказках про Бабу-Ягу. Внутри избушки всё было устроено по русскому обычаю: печка, стол, широкие лавочки, спички и соль. Деда пригласил меня в дом:

– Проходи, располагайся!

А я сказал:

– Ага-сь!

И мы разложили свои вещички по разным местам. Потом мы снова вышли на улицу, а деда развёл костёр, и мы стали жить дикарями. Без средств к существованию.

Сначала мы сварили чай, потом перекусили и пошли на рыбалку. Мы взяли ведро и удочки, затем накопили червяков, а уж после отправились удить на озеро. Рыбачить оказалось проще простого, только успевай забрасывать. Правда, нам одни голодные окуни попадались. Огромные и чёрные, как головёшки. Мы снимали их с крючка и бросали в ведро, а они звонко шлёпали хвостами.

Через час у нас уже было полведра головёшек-горбачей. И наши окуни то и дело выбрасывались наружу. Деда покряхтел и сказал:

– Кхе, кхе. Ну, пожалуй, и хватит на сегодня, – а потом встал с пенька и начал сматывать удочку.

А я удивился:

– Как же? Клюёт же! Давай ещё!

А дедушка улыбнулся и сказал:

– Не переусердствуй, Мишка. Нужно ловить столько, сколько съешь. Тогда я вздохнул и ответил:

– Жалко. Вон как пошло, можно было хоть ведро, – и тоже начал сматывать удочку.

Когда мы вернулись к избушке и развели костёр, наступил

вечер. Деда почистил окуней-горбачей и картошку, а я очистил лук. Потом мы сварили настоящую похлёбку и устроили пир на весь мир прямо под открытым небом. Наевшись до отвала, нам захотелось спать. Мы немножко прибрались на столе и пошли в избушку. А устроившись поудобнее, мы и не заметили, как отправились в спячку.

Глава IV. Одним днём

На следующий день я проснулся первым. Деда тархтел, как трактор, а мне что-то не спалось, и я вышел на цыпочках из избушки. Попил холодного чаю, взял наше ведро, удочку и отправился удить прожорливых окуней.

И вот я иду по тропинке к озеру, протираю глаза, напеваю песенку про лошадь:

– Далеко, далеко-о

Ускакала в поле молодая лошадь,

Так легко, так легко-о

Не догонишь, не поймаешь, не вернёшь...

Иду себе и пою. Ничего не думаю. И вдруг «бац!». Что за шутки! Прямо передо мной чьё-то шерстяное лицо! Я встал, как вкопанный! Замер, смотрю. И лицо стоит, смотрит. Смотрит на меня своими огромными ноздрями. А потом это лицо голову повернуло и уже выпуклым глазом смотрит. Затем оно чихнуло и снова ноздрями. И рогами ещё. Я таких рогов никогда не видел! Они, как ковш у экскаватора.

А ещё эта странная морда чего-то жевала. И я подумал, что, наверное, такого недотёпу, как я, доедает. Сначала у меня выпала удочка, затем ведро, а через миг я уже драпал обратно в избушку, только пятки сверкали. Но вы не смейтесь, не надо! Я вам не трусишка какой-нибудь. Просто я за окунями шёл, а тут лицо! Растерялся я в общем. Понимать надо.

Я так испугался, что не помню, как в избушке оказался и дверь запер. Помню только, лежу на скамейке, одно ухо и глаза спят. Но вторым ухом всё-таки слушаю, потому что интересно.

Сначала эта рогатая морда по земле топала: «Тух... тух... тух... тух...» А потом она подошла к нашей избушке и начала чем-то хрумкать возле стола. А ещё эта морда громко чавкала и всё время роняла разные вещи, как у себя дома. Потом она ушла куда глаза глядят, и я наконец-то уснул полностью. Правда поспать, как следует, мне не удалось. Я только глаза закрыл, только с Соловьём-Разбойником сражаться начал, а дедушка давай меня тормошить и спрашивать:

– Миш, это ты картошку съел?

Я сел на край скамейки и переспросил:

– Что съел?

Деда:

– Картошку? На ветке висела авоська с картошкой.

И я ещё не проснулся, но уже вспомнил про шерстяную рогатую морду и про ноздри, и про рога-экскаватор, и про то, как эта морда что-то роняла возле избушки и как она хо-

зайничала нашими продуктами. И я догадался, что это она съела картошку, но побоялся сказать дедушке правду. Я подумал, что он заругает меня за то, что я привёл её в лагерь. Поэтому я сказал:

– Угу. Я!

А деда улыбнулся на всю ивановскую и опять спросил:

– И пачку масла тоже ты?

– Я деда. Есть чего-то захотелось, вот и съел...

Дедушка всё не унимался и спрашивал:

– Что же это получается? Ёксель моксель! И полбанки соли тоже ты?

А я снова покивал головой:

– Да, деда... получается, что я, – и тяжело вздохнул.

– Да я по следам вижу, что тут лось был. Ты чего, Миш? – и хохочет так, что чуть не падает.

Тогда я тоже засмеялся и сказал:

– Не знаю, деда. Это я так просто.

И после этого мы хохотали уже вдвоём, чуть животики не надорвали, до слёз прямо.

А потом мы стали наводить порядки. И дедушка вдруг сказал:

– Я ещё вчера слышал, как за озером пилы жужжали. Видимо, лесорубы его угодые нарушили, вот сохатый и подался на поиски лучшего места.

А я спросил:

– А зачем он от нас ушёл? Мы же не лесорубы, жил бы

тут. Разве ему здесь плохо? Вон сколько съел?

Тогда дедушка голову почесал, вздохнул и сказал:

– Так ведь одним днём сыт не будешь, вот и ушёл на поиски корма.

Глава V. За добро добром

Я расстроился немного:

– Эххх. Жалко, что ушёл. Познакомиться бы... – потом я помог деду поднять перевернутую скамейку и спросил. – Деда, а почему ты лося сохатым назвал?

А деда крякнул, присел и ответил:

– Кхе, кхе! Хороший вопрос, Мишка. Садись-ка, сейчас я тебе расскажу.

– Ага! С превеликим удовольствием, – и я тоже уселся на скамейку поудобнее.

Деда посидел минутку, потом встал, развёл костёр, повесил над огнём чайник, побряхтел и начал:

– Эту историю мне ещё мой дед рассказывал. А ему его дед. И деду деда тоже дед. И так тыщу лет. Получается, история нам от пращура досталась.

– Ух ты! Здорово! У меня был дедушка – ящур!

А деда опять улыбнулся на всю ивановскую:

– Да не ящур, а пращур. Предок значит.

– А-а-а. Ну тогда не интересно!

– Да ты погодь! Я же ещё рассказ не начал.

Потом деда присел рядом, прищурился куда-то в даль и продолжил:

– Тут недалёко деревенька Кимжа имеется. Вся из себя складная да ладная. Куда ни взгляни, всюду глаз радуется, – сказка, да и только! Вот там-то и жил наш предок. А звали его Добрыня.

По весне Добрынюшка рожь сеял. Летом ягоды да грибы собирал. Ну и рыбку удил. А как же! Зимой всё чаще возле печи лапти да корзины плёл. Тем и здравствовал.

И вот пришла весна-красна. Добрыня поле вспахал. Потом садил, затем рядил. Не успел оглянуться, а за весной и лето поспело.

И собрался наш Добрыня по ягоды. Только в лесок заглянул, а там лось хозяйничает, что не подьел, то помял. Любят, знаешь ли, лоси черникой полакомиться. А Добрыне что оставалось? Махнул рукой, развернулся и пошёл восвояси.

Чуть погода, пришла пора по грибы сходить, припасов на зиму заготовить. Обычное дело: волнушек засолить, боровиков засушить. И вновь отправился Добрынюшка по своим заветным местам. Вот только куда он не свернёт, под какое деревце не заглянет – нет ничего: ни боровиков, ни волнушек. Одни огрызки стоят. Стало быть, опять всё лось поел.

Пока суть да дело, осень пришла. Ну, а там и зима не за горами. Вот только зима в тот год выдалась лютая, голодная. Хорошо, у Добрыни рожь да овёс уродились, всё при хлебе да каше. А вот лосю туго пришлось. Кабы ему замороженных

ягодок или мох сыскать. Да где там! Снегу по пояс набухало – не пройти, не проехать. Пришлось лосю кору глодать. А кора горькая, невкусная. Я и сам как-то попробовал – редкая гадость. Так вот, пожалел Добрыня животину. А куда деваться? Жалко. Взял и сладил для лося кормушку. Ну а после он его всю зиму овсом подкармливал да солонцом баловал.

Так и перезимовали. А там и весна пришла. И в пору бы землю распахать да снова зерно посеять. Только соха у Добрыни совсем исхудала. И версты не прошёл – лопнула с треском. Отправился Добрынюшка в лес на поиски подходящей коряги.

И вот хочешь – верь, хочешь – нет. Вышел ему навстречу тот самый лось, мотнул головой и рога свои перед Добрыней сбросил. Ну, а пращур наш не будь дураком. Покумекал, как и что. Рога вверх тормашками перевернул, в землю воткнул, оглобли приладил. Чем не соха? А?

Потом лошадёнку запряг и в два счёта поле вспахал. Рога оказались добротные, складные – сносу не было. И Добрынюшка этими рогами ещё долгие годы земельку перепаживал.

Выходит лось за добро добром Добрыне отплатил и соху подарил. Вот с тех пор и прозвали лося сохатым.

А я посмотрел на деду – шутит или нет. Потом отвернулся и сказал:

– Сказочки. С нами-то он не подружился. Ушёл – пиши пропало, – и в груди у меня как-то тесно стало.

А деда меня приобнял:

– Не отчаивайся, Мишка, может, свидимся ещё. Мы же не без рук! Тоже кормушку для сохатого соорудим. И сена ему припасём. И гостинец оставим – солонец. Лоси соль любят. Ну как? Дело, а?!

А я вздохнул и сказал:

– Эх-х-х... . Да, деда, дело.

Глава VI. Что лучше?

Чуть погодя у нас забурлил и зафырчал чайник на костре, и деда поторопился его снять, пока он весь не расплескался.

В избушке у нас ещё оставалось угощение к чаю – баранки, батон и банка сгущённого молока. И пока дедушка кружки раскладывал, я сбегал за гостинцами. Потом мы стали пить горячий чай вприкуску с баранками, а хлеб и сгущёнку приберегли на обед. Подкрепившись как следует, мы отправились на своё проверенное местечко удить вчерашних рыбёшек. Клёв у нас снова был что надо! Только успевай забрасывать! Когда мы выдёргивали своих полосатых окуней-горбачей из воды, то они сначала хлюпали по воде, а потом елозили в воздухе. И они так сильно трепыхались, что у нас трещали удочки, хрустели поплавки и звенели лески.

Я выуживал свою добычу на берег, потом бросал удочку в траву и бегом снимал колючий горбыль с крючка. После этого я брал пойманного окуня двумя руками и отправлял

его в ведро. А он начинал радостно изводиться и шлёпаться, и колошматить своим хвостом куда попало.

Так очень скоро мы снова наловили полведра, и деда сказал:

– Ну, хватит! Пора и честь знать.

И я тут же смекнул, что пора сматывать удочки, потому что мы наловили больше, чем требуется для утоления голода. И полведра – это ещё надо постараться, чтобы съесть. Правда, когда я сматывал удочку, то мой живот заурчал оттого, что изрядно проголодался. Я подумал, что может быть полведра не так уж и много. Тем более, если это будет не рыба, а скажем – сгущёнка! А от полведра сгущёнки ещё никто не отказывался. И тут я вспомнил про угощение, оставленное на столе. И от таких мыслей я засобирился ещё быстрее. А через секунду я уже скакал к лагерю.

Всё время, пока мы с дедом скакали к избушке, я мечтал о своём заветном лакомстве. Я думал: «Вот сейчас приду, налью чайку, а деда откроет сгущёнку. И я макну в это тягучее молоко белый хлебушек, и начну уплетать его за обе щёки. И это будет самое вкусное лакомство в мире, потому что ничего вкуснее я в жизни не пробовал. Потом я зачерпну сгущёнку ложечкой и съем её прямо так. А потом ещё одну. И ещё. И с ложкой во рту я промышчу: «М-м-м, какое блаженство!» На языке у меня делается сладко-сладко. И так сладко, что зажжётся. Горло у меня делается вдруг шерстяным и захочется пить. А когда я хлебну чайку, то снова съем

ложечку сгущёнки». Так я прыгал-скакал. И всю дорогу так вкусно мечтал, что не успел глазом моргнуть, как очутился возле избышки. Я даже не сразу заметил, что в нашем лагере гость появился. А когда разглядел и увидел, что он натворил, у меня сердце ёкнуло.

В гостях у нас был ворон. Большая чёрная птица. Морда у него была наглая и хитрая. И он не просто гостил, он ещё надо мной издевался. Ворон вертелся и юлил, а потом начинал скакать туда-сюда: то на стол запрыгнет, то на землю спикирует. А на столе в это время наша банка сгущёнки каталась. И это надо же до чего воришка додумался! Магия какая-то! Он своим острым клювом банку сгущёнки в решето превратил! Проклевал и не поморщился.

Я замер, гляжу, а он ни чуточки и не стесняется, и нашу сгущёнку доедает. Запрыгнет на стол, затем лапой банку возьмёт и повернёт поудобнее, а молоко от этого вытекать начинает. И ворон тут же на землю пикирует, и уже с земли лакомится. Так всю и склевал. И хлеб тоже. Нам только холодный чай остался. Подумать только! Я таких прожорливых птиц ещё никогда не видал!

Потом деда подошёл. Ахнул оттого, что делается и закричал:

– Кыш! Кыш, отсюда!

А что толку? Кричи не кричи, сгущёнка-то уже – тю-тю! И я, конечно, расстроился, и у бабушки спросил:

– Что же это? Как же мы теперь без сгущёнки и хлеба

жить-то будем?

А он знай, хохочет:

– Ничего, Мишка! Проживём как-нибудь! Уху сварим. Зато теперь-то мы всех досыта накормили.

Потом он сел на скамейку, но так сильно хохотал, что чуть с неё не свалился. Тоже мне, нашёл над чем смеяться! У людей горе, а он?!

Потом мы прибрались на столе. Затем деда вычистил прожорливых горбачей. А я почистил две луковицы. И мы сварили луковую похлёбку с окунями. А перекусив, мы начали собираться домой. Когда наши вещички были уложены, деда вздохнул и сказал:

– Ну что ж, присядем на дорожку!

– Ага-сь!

И мы снова уселись на скамейке, а посидев минутку, оставили лесные края и отправились восвояси.

По дороге домой мы вспоминали наше приключение, и какой у нас был клёв, и похлёбку, и как мы остались без средств к существованию. А выходя из тайги, деда повернулся ко мне:

– В следующий раз прихватим с собой саженцы.

– А зачем?

– Посадим саженцы – вырастет лес.

И я прямо подпрыгнул от радости и завопил во всё горло:

– Здрóрово! Вот это дело!

А потом вспомнил и про ворона, и про сохатого, и про

то, как за озером жужжали пилы. Затем немножко подумал, взял деда за руку и сказал:

– Саженцы и кормушки – это хорошо! Но всё-таки, лучшее, что может сделать человек для тайги – это оставить её в покое и ничего в ней не трогать.

Не только чтение

Глава I. Удачно пристроились

Вышли мы как-то с Вовкой во двор. Решили прогуляться немножко, а тут дождь как зарядил. Всё небо серыми тучами закрылось – ни конца, ни краю не видно.

Вовка говорит:

– Вот и отлично!

Я ему:

– Чего же хорошего? Дождь! Да ещё весь день лить будет.

– Будто я сам не вижу, что дождь. В библиотеку пойдём.

Нам чтение на лето задано – забыл?

А я сижу голову чешу и про себя думаю: «Кто же про чтение на каникулах помнит? Конечно, забыл...» Вовка не унился:

– Сходим, книг наберём. В читальном зале посидим, новые журналы полистаем.

Нам для чтения на лето даже списки специальные выдали, чтобы мы помнили, что прочесть нужно. Вот мы и при-

шли, и стали ходить у стеллажей, книжки искать. Только по списку нам скучные попадались, для малышей. И мы другие выбрали, я – про необитаемый остров и туземцев, а Вовка – о капитане Немо и его подводной лодке «Наутилус».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.